

Александр Павлович Люсий –

старший научный сотрудник Российского института культурологии, член Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Оборона, девственность, революция «Турецкая весна» для глобального среднего класса

«Смерть вошла в меня». Почему она сказала о своей боли? Сказала после того, как мы залили в себя не одну рюмку сливовой ракии, долго топтались на дискотечной танцплощадке, обнимались в толпе, озаряемой желтыми, красными, фиолетовыми бликами и, наконец, рухнули на стол, и тогда ее красные, полные губы разомкнулись, и она прошептала мне на ухо слово «смерть», будто выталкивала его зубами. Мои руки лежали на ее бедрах. Я уверенно прокладывал путь между ее раздвинутых под короткой юбкой ног. Как смерть может войти внутрь молодой женщины, с какого места в теле она начинает ее подтачивать? Конечно, с ее грота, с этого треугольника жизни, до которого я хотел добраться перед отъездом из этого города. Оттуда на свет могла появиться новая жизнь, но женщина говорила о смерти. Смерть была волком, с некоторых пор она ощущала его в себе, в самой глубине своего тела, он досыта насыщался ею. Его звали Вук, то есть Волк.

Недим Гюрсель «Той зимой в Сараево»

Флобер, побывавший в Стамбуле за сто два года до моего рождения, под впечатлением от его многолюдности и разнообразия написал в одном из своих писем, что он уверен: через сто лет Константинополю суждено стать столицей мира.

Орхан Памук «Стамбул. Город воспоминаний»

«Стамбул раздавят, но не таков Арзрум» — эту формулу Александра Пушкина, оказавшуюся пророческой для судьбы Османской империи в целом, я попытался применить и для понимания современных событий в исламском мире после «арабской весны» (в статье «Византийский нарратив» — в четвертом номере этого же альманаха за прошлый год). Теперь же, размышляя о «турецкой весне», мне

вдруг очень захотелось ошибиться — хотя бы даже и вместе с самим Пушкиным! И я теперь абсолютно уверен, что нынешняя «оборона Стамбула» — независимо от ее конечного исхода и последствий — может рассматриваться как историческое искупление падения города, называемого некогда Константинополем. Неслучайно оборона эта началась в мае 2013-го — ровно через 560 лет после его предыдущего взятия в мае 1453-го.

Сонечка Мармеладова на фоне Айя-Софии

«Дорогой премьер-министр, — обращается турецкий блогер к Реджепу Тайипу Эрдогану в разгар первой волны антиправительственных выступлений, — вы не представляете, как я вам сегодня благодарен. Вы даже не знаете, какое благое дело сделали для страны сегодня. Сегодня я впервые видел, как фанат “Фенербахче” помог подняться с земли “галатасарайцу” (“Фенербахче” и “Галатасарай” — старейшие футбольные клубы Стамбула. — *А.Л.*) после приказа полиции “убивать”. Сегодня турки и курды делились водой и хлебом. Сегодня женщины, которых вы называете проститутками, вышли из публичных домов, чтобы промыть раны пострадавшим и напоить их лимонной водой. Сегодня нелюбимые вами трансвеститы спасали людей в своих комнатах дешевых отелей Тарлабашы (район Стамбула. — *А.Л.*). Адвокаты и врачи раздавали свои телефоны для оказания помощи. Сегодня эснафы (магазины, кофейни — всё, что на первых этажах. — *А.Л.*) отключили пароли на вайфай, а отельеры пускали утомленных или избитых. Сегодня

«Дорогой премьер-министр, вы даже не знаете, какое благое дело сделали для страны сегодня. Сегодня я впервые видел, как фанат “Фенербахче” помог подняться с земли “галатасарайцу” после приказа полиции “убивать”. Сегодня турки и курды делились водой и хлебом. Сегодня женщины, которых вы называете проститутками, вышли из публичных домов, чтобы промыть раны пострадавшим и напоить их лимонной водой. <...> Сегодня наши глаза полны слез не от вашего перечного газа, а от гордости за нашу Турцию».

наши глаза полны слез не от вашего перечного газа, а от гордости за нашу Турцию». Знакомый севастопольский писатель Михаил Лезинский ухватился за буквально понятую фразу насчет «проститутки» и напомнил мне эпизод из обороны Севастополя во время Крымской войны, когда местные жрицы любви дружно вышли строить оборонительные укрепления наряду со всеми жителями города. «Они трудились с большой охотой, рассказывают историки. Даже когда адмирал Павел Нахимов предложил им выделить в помощь нескольких солдат, отказались. Попросили лишь две подводы с лошадьми и всего двух солдат, которые этими лошадьми бы управляли. Землю для строительства батареи женщины носили в подолах своих юбок, в карманах, сумочках. Пере-

брасывали грунт деревянными лопатами, укрепляли батарею дерном. Работы длились с ноября по декабрь 1854 года. А когда все было готово, батарею назвали “Девичьей”. Сооружение прикрывало 4-й бастион с тыла от возможной атаки со стороны Южной бухты». Мраморная табличка на скромном обелиске особенно не детализирует: «На этом месте женщинами Севастополя в 1854 году была построена батарея». Если вспомнить происхождение нынешних стамбульских героических и милосердных интердевочек (уж не турчанки в массе своей — об этом «русском следе» роман Владимира Бушняка «Стамбульский зазывала»), линия преемственности по заданному самой Афродитой возрождению девственности в пене морской очевидна. Столь ли очевиден малый ис-

Несмотря на то, что «Партия справедливости и развития» в 2003 году пришла к власти демократическим путем и с тех пор не раз подтверждала свое лидерство на выборах, оппоненты называют правление Эрдогана (на фото) диктатурой. Он стремится единолично принимать решения, с мнением населения больше не считаясь. Придя к власти за счет хранящей традиции и устои глубинки, политик сразу же начал, как я сам слышал от тамошних «рассерженных горожан», «продавать страну американцам», наглядным выражением чего и стало его желание построить на месте парка и культурного центра Ататюрка торговый центр и освещающую это строительство мечеть.

ториософский треугольник Константинополь—Севастополь—Стамбул из-под тени традиционной имперской римской троицы?

Выступления на площади Таксим «из-за нескольких десятков деревьев», как начали было снисходительно освещать события в Стамбуле наши телеведущие (по всей видимости, готовые ко всему, что можно еще сделать с ними и их городом), — следствие давно зреющего недовольства среднего класса страны авторитаризмом и ползучей исламизацией. Но ставший камнем преткновения парк Гези для стамбульцев — не просто кусочек зелени. Это парк с мемориалом Ататюрка на месте, где войска под его командованием разбили части, пы-

тавшиеся устроить путч, чтобы остановить секуляризацию Турции и восстановить оттоманские принципы ислама как составной части государственной власти.

Несмотря на то, что «Партия справедливости и развития» в 2003 году пришла к власти демократическим путем и с тех пор не раз подтверждала свое лидерство на выборах, активисты в социальных сетях называют правление Эрдогана диктатурой. Уже десять лет он стремится единолично принимать решения, с мнением населения больше не считаясь. Придя к власти за счет хранящей традиции и устои глубинки, политик сразу же на-

чал, как я сам слышал от тамошних «рассерженных горожан», «продавать страну американцам», наглядным выражением чего и стало его желание построить на месте парка и культурного центра Ататюрка торговый центр и освещающую это строительство мечеть. Если он и исламист, то исламист с коммерческим лицом — аналог нашего самого выдающегося политического демагога-коммерсанта Жириновского.

До последней капли брандспойта

Сразу же с образованием на обломках Османской империи Турецкой республики во главе с Мустафой Кемалем (Ататюрком) там началась ускоренная модернизация. Ее

главные составляющие: во-первых — индустриальная модернизация общества и связанное с ней разрушение традиционных связей, во-вторых — демократизация. В процессе модернизации привычная социальная среда обычно ломается, что особенно болезненно для сельских жителей. Они разоряются, устремляются в города, где, естественно, оказываются менее конкурентоспособными, чем городское население, попадают в более тяжелое положение. Но в количественном плане их больше, и это проявляется на выборах: к власти приходят люди, которые отражают интересы плохо социализированной массы людей. И как раз таки это мы имеем в ситуации с Эрдоганом и его последователями. Данные политические лидеры стараются провести как бы обратные реформы, направленные на поддержание традиционных устоев в обществе. Но это вызывает недовольство у той части населения, которая уже прошла этап модернизации.

В Турции возник завещанный Ататюрком эффективный механизм разрешения такого противоречия, связанный с особой ролью армии, которая имела полномочия через военные трибуналы влиять на политический процесс. Масштабные военные перевороты произошли в 1960-м и 1980-м, «малый переворот» — в 1971-м. И в 1997-м военные, не прибегая к открытой силе, заставили изменить политический курс. Эрдогану громкими отставками и арестами удалось существенно понизить роль армии. Несколько лет тянулось так называемое дело «Эргенекон» — организации заговорщиков, якобы готовившей переворот с целью свержения правительства, по нему прошло около 400 человек — представителей высшего генералитета, университетских про-

фессоров, депутатов, лидеров самых различных политических организаций, от крайних националистов до коммунистов, писателей, журналистов. Основные фигуранты осуждены на сроки от 18 до 20 лет. Согласно конституционным изменениям, принятым в 2010-м, армия фактически потеряла возможность вмешиваться в политические процессы.

Но недовольство в ходе этих репрессий накапливалось, к чему прибавились сенсационные свидетельства о сомнительной связи спецслужб с террористическими организациями. В числе поводов для недовольства называют недавние попытки добавить в школьную программу обязательный религиозный компонент, законопроект о полном запрете абортов и попытку запрета поцелуев в публичных местах, разрешение на ношение хиджабов в светских университетах. Строительные же проекты, совпавшие с ограничением на продажу, рекламирование и употребление алкоголя, о которых в последние дни много говорит и турецкая, и западная пресса, стали лишь последней каплей в чаше терпения модернизированной части граждан страны. Хотя капля эта, видимо, оказалась довольно крупной: даже те демонстранты, которые не употребляют алкогольные напитки, выражают недовольство тем, что правительство пытается вмешиваться в их частную жизнь и в то же время косвенно подрывает туристический бизнес.

И власть, и оппозиция сходятся в категорическом отрицании сходства выступлений в Турции с «арабской весной». По словам Эрдогана, истинная сущность уже состоявшейся «турецкой весны» заключается в бурном экономическом росте последнего десятилетия, и «никакой другой се-

зон» государству уже не нужен. Погоду портят отщепенцы, организованные извне, прежде всего Израилем, с которым у Турции отношения в последние годы портятся.

Президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский отметил, что нынешние события по своей сути противоположны «арабской весне». Тогда на улицы против авторитарных властителей с 40-летним стажем вышли исламисты, добравшиеся при поддержке «твиттерной» молодежи, женщин и прогрессивных движений до власти. А то, что происходит сейчас в Турции, — выступления защитников светской кемалист-

В Турции был завещанный Ататюрком эффективный механизм разрешения противоречия между сторонниками поддержания традиционных устоев в обществе и адептами модернизации. Его претворяла в жизнь армия, которая влияла на политический процесс через военные трибуналы. Масштабные военные перевороты произошли в 1960-м и 1980-м, «малый переворот» — в 1971-м. И в 1997-м военные, не прибегая к открытой силе, заставили изменить политический курс. Эрдогану удалось существенно снизить роль армии громкими отставками и арестами.

ской Турции против Эрдогана, против исламистов, которые в мягкой форме, но ликвидируют светское государство. Судя по опросу специалистов Университета Бильги, приведенному *The Wall Street Journal*, 70 процентов митингующих не являются сторонниками какой-либо партии, причем возраст 60 процентов участников протестов — меньше 30 лет.

Заведующая сектором Турции Института востоковедения РАН Наталия Ульченко заметила, что от событий «арабской весны» турецкие недовольства отличает отсутствие экономических требований. В Египте и Тунисе на площади стояла молодежь с хорошим образованием, которая не могла найти себе места в традиционной арабской среде. Молодые турки не имеют про-

блем с профессией и заработком: они хотят иной политической обстановки для самореализации, больше свободы, больше демократии.

Известному турецкому писателю Недиму Гюрселю, вынужденному в 1980 году эмигрировать, события больше напоминают Париж в мае 1968 года. Обращает на себя внимание нехарактерное для «оранжевых» революций отсутствие какого-то оппозиционного центра. Выступают достаточно разрозненные группы людей, придерживающихся совершенно разных взглядов. То есть четкого оппонента нет, как это, между прочим, было и в арабских странах, когда власти Египта и Туниса не знали, с кем вести переговоры. Приходится иметь дело с огромной неструктурированной массой

Часть населения страны не готова идентифицировать себя с той политикой, которую проводит Эрдоган. Причем не готова настолько, что свою идентификационную модель, которую давал им, по их представлениям, Ататюрк, она намерена отстаивать в виде таких протестных акций.

людей. Это, впрочем, не значит, что какой-либо структуризации конфликта не произойдет и не возникнет новая чисто политическая сила.

При всей спорности вопроса о состоянии турецкой экономики аналитики отрицают связь нынешних протестов в Турции с экономической ситуацией в принципе. По мнению политолога Рустама Бурнашева, они имеют тут в основном идентификационный характер. То есть часть населения страны не готова идентифицировать себя с той политикой, которую проводит Эрдоган. Причем не готова настолько, что свою идентификационную модель, которую давал им, по их представлениям, Ататюрк, она намерена отстаивать в виде таких протестных акций. Вряд ли существует и какая-то внешняя сила, которая занялась целенаправленным расшатыванием страны. Это преимущественно внутренняя проблема самой Турции. Когда какая-то страна «третьего мира» начинает модернизироваться, менять свой

социально-экономический и вообще социально-идентификационный уклад, в обществе возникают группы, имеющие разные идентификационные модели, каждую из которых начинают отстаивать свои адепты. Аналогичный мотив имеет место и в арабском мире, хотя там направленность и ответная реакция были другими. Экономическая подоплека, внешняя подоплека здесь могут быть какими-то вспомогательными, вторичными факторами, но никак не основными. В то же время, в отличие от предыдущих лидеров Египта, Туниса, Сирии, власть Эрдогана абсолютно легитимна, основана на поддержке большинства населения. Поэтому если референдум состоится и выйдет за рамки Стамбула, то, вероятнее всего, они проголосуют именно за те решения, которые предлагает Эрдоган. Но жители Стамбула и других городов не примут этот референдум, потому что будут чувствовать угрозу своему социальному пространству, своему «я» или «мы», которые они отстаивают.

Впрочем, легитимность теперь не указ и для населения Египта. Возникла триада: «арабская весна» — «турецкая весна» — «тюркское лето», в котором свое весомое слово уже сказала египетская армия. Дальнейшее развитие ситуации во многом зависит от степени жесткости властной реакции на митинги. Есть, вероятно, в таких случаях критическое число жертв. Между прочим, количество покончивших жизнь самоубийством полицейских сейчас превосходит число погибших демонстрантов, хотя официальные источники отрицают прямую связь этих самоубийств с участием в разгоне демонстраций, объясняя все неурядицами в семейной жизни (один — из-за того, что его брат провалился на вступительных экзаменах в школу полиции). По словам главы полицейского союза *Emniyet-Sen* Фарука Сезера, стражи порядка тоже страдают от того, что им приходится работать в таких тяжелых условиях. Полицейским, которые прибыли в столицу из других городов страны, для того, чтобы помочь восстановить спокойствие, приходится спать на скамейках и обрывках картона на улицах. Фарук Сезер рассказал, что власти города не могут подобаю-

шим образом разместить всех сотрудников. «Жестокость, которую проявляют полицейские по отношению к протестующим, это отражение жестокости, с которой сталкиваются сами полицейские. Они не только становятся жертвами нападений протестующих. Полицейские работают по 120 часов (в неделю. — А.Л.), едят черствый хлеб и плохую пищу», — отметил Сезер. Глава полицейского союза считает, что ненависть к полицейским со стороны турецких граждан закончится, когда они увидят, что стражи порядка спят на земле на собственных щитах. «У нас сердце кровью обливается, когда мы видим такие картины. Как полицейский союз, первое, что мы сделаем, когда протесты закончатся, это возьмем все фотографии и доказательства для того, чтобы возбудить уголовное дело. Я говорю вам: поставить полицейских в такие условия — то же самое, что изменить стране», — подчеркнул Сезер. Получается, что свободные обитатели протестных палаточных городков находятся в куда более

Дальнейшее развитие ситуации во многом зависит от степени жесткости властной реакции на митинги. Есть, вероятно, в таких случаях критическое число жертв. Между прочим, количество покончивших жизнь самоубийством полицейских сейчас превосходит число погибших демонстрантов, хотя официальные источники отрицают прямую связь этих самоубийств с участием в разгоне демонстраций, объясняя все неурядицами в семейной жизни.

комфортных условиях, чем подневольные стражи порядка, но это не создает абсолютно непроеходимой стены между ними. В столичной Анкаре пятнадцать полицейских перешли на сторону протестующих и применили перочный газ против коллег, выполняющих приказ власти душировать демонстрантов. Мэр курортной столицы Анталии Мустафа Акайдын запретил муниципальным службам заправлять водой водометы полицейских.

В то же время президент Турции Абдуллах Гюль отстаивает европейский выбор Турции, который, на его взгляд, очевиден и в содержании, и в форме антиправительственных протестов: «Если вы хорошо посмотрите на то, что происходит в странах Ближнего

Востока, — говорит Гюль, — то увидите, что все споры относительно основных прав и свобод человека происходят в странах, в которых отсутствуют свободные и демократические выборы, а судебная система не соответствует западной. Турция уже проводит переговоры с ЕС и доказала Европе, что является демократической страной со свободными выборами. Но почему же тогда все это произошло в Турции? — спросите вы. На протяжении 10 лет Турцией правит одна власть. Конечно же, за это время оппозиция проявляла и будет проявлять свое недовольство. Действия официальной власти могут быть несогласованными. В Стамбуле происходит много всего, каждый живущий в этом мегаполисе хочет,

Президент Турции Абдуллах Гюль (на фото) отстаивает европейский выбор Турции, который, на его взгляд, очевиден даже и в содержании, и в форме антиправительственных протестов.

чтобы его спрашивали и уважали его права. Здесь есть защитники природы и животных. Я все это вижу. Это все проявления развитого государства. Два года тому назад в Лондоне произошла похожая ситуация, во время которой жгли машины, разрушали магазины, были ранены тысячи людей. Или, например, Испания, в которой из-за финансового кризиса миллионы людей вышли на улицы, чтобы выразить свое мнение. А как же Америка со своими демонстрациями и протестами? Все, что происходит сейчас в Турции, похоже на то, что было в западных странах, а не в странах Ближнего Востока. Я согласен, что наша полиция была слишком жестока с демонстрантами и не должна была применять слезоточивый газ. Сейчас эта проблема решена. Не стоит беспокоиться за будущее Турции: экономическая система и политическая ситуация в стране будут стабильны и впредь».

Восстания достатка

В какой степени оправданы сравнения защитников парка

Гези с «болотной» оппозицией и ее «оккупациями-абаями»? Можно привести еще одну — книжную — триаду с рядом совпадений. В год выхода знаковой для своего времени книги философа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (1932) родился автор не менее значимой для следующей эпохи книги «Восстание элит» Кристофер Лэш. Через десять лет после выхода этой книги в России (2002) Фрэнсис Фукуяма или Борис Кагарлицкий (затрудняюсь сказать, кто первый) дали не менее точный диагноз текущих мировых про-

цессов: «Восстание/революция среднего класса». Да, сейчас в мире в целом происходит глобальное восстание именно среднего класса, который есть и в России — 18–20 процентов населения. Лейтмотив, объединяющий между собой события в Турции и Бразилии и их — с «арабской весной» 2011 года и неухаживающими протестами в Китае, по мнению Фукуямы, — это появление нового глобального среднего класса. Современный средний класс повсюду, где он возник, вызывает политическое брожение, но лишь изредка ему удается самостоятельно осуществить устойчивые политические перемены. Ничто из того, что мы в последнее время наблюдаем на улицах Стамбула и Рио-де-Жанейро, не дает оснований думать, что эти случаи станут исключениями.

Протестует прежде всего «технически подкованная» молодежь с уровнем достатка и образования выше среднего, которая чувствует себя «отлученной от правящей политической элиты», пола-

гает Фукуяма. Экономисты и бизнес-аналитики называют средним классом совокупность людей с определенным уровнем дохода, продолжает Фукуяма. «Корпорации исходят слюной при мысли о приросте среднего класса, поскольку он представляет собой огромный резерв новых клиентов», — полагает автор «Конца истории». (По прогнозу Института ЕС по исследованиям в области безопасности, к 2030 году численность этого слоя достигнет 4,9 миллиарда человек.)

Но Фукуяме куда более значимыми для прогнозирования политического поведения кажутся другие критерии — «образование, род занятий и владение активами». Более высокий уровень образования коррелирует с повышением ценности демократии, личной свободы и терпимости к иному образу жизни в представлениях людей. Помимо безопасности, таких людей начинает интересовать свобода выбора. Семьи, владеющие долговечными активами — такими, как дом или квартира, — гораздо больше интересуются политикой, поскольку все это вещи, которые правительство может у них забрать. Поскольку средний класс — это, как правило, тот слой, который платит налоги, у его представителей имеется прямая заинтересованность в том, чтобы правительства были подотчетными. Что самое важное, новых представителей среднего класса с большей вероятностью подстегнет к активным действиям то, что покойный политолог Сэмюэль Хантингтон ранее называл «разрывом», то есть неспособность общества удовлетворить их быстро растущие чаяния экономического и социального прогресса. Эта

динамика была налицо в ходе «арабской весны».

«Все эти явления не новы, — напоминает Фукуяма. — Французская, большевистская и китайская революции — все они прошли под началом недовольных представителей среднего класса, пусть на их дальнейшее развитие и оказывали влияние крестьяне, рабочие и беднота. Практически весь Европейский континент был охвачен революционным движением в эпоху “весны народов” 1848 года, и это прямой результат роста европейского среднего класса в предшествующие десятилетия». Бразильцы протестуют против сильно коррумпированной политической элиты, которая демонстрирует гламурные проекты — чемпионат мира и Олимпийские игры в Рио, — будучи не в состоянии обеспечить такие основные услуги, как сносное здравоохранение и образование для большинства.

Для турецкого общества коррупция является таким же системным явлением, как и для России. Те, которые выходят на улицы в Турции и России, меньше всего имеют доступ к коррупционному сектору жизни. Существенная разница турецких и российских «средних» в том, что за первыми стоит мощная республиканская элита, независимые политические партии, которые никогда не выигрывали выборы, но порой получали власть из рук военных, и все в большей степени общество в целом. В силу этих факторов турецкие «декабристы» выходят на площадь гораздо более уверенно, чем российские (генералы арестованы, но без офицеров все равно никуда не деться), не только от имени среднего класса. И в отличие от Турции — вернусь к неожиданно пикантному началу своей статьи, — термин «протестуция» (с определением

Протестует прежде всего «технически подкованная» молодежь с уровнем достатка и образования выше среднего, которая чувствует себя «отлученной от правящей политической элиты».

«политическая») оказывается более применимым не к оппозиции, а к представителям разных ветвей власти (к оппозиции более применим заданный еще Хрущевым перенос нетрадиционной сексуальной ориентации).

В целом же, пока угроза реального падения доходов представителей среднего класса не стала фатальной, а коррупция, отчужденность от элит и иные явления политической системы еще не вызывают особой аллергии, российский средний класс в целом может позволить себе продолжить политическую сиесту, обязательную, по свидетельствам путешественников, в дореволюционном османском Стамбуле. «Никаких десяти тысяч, о которых писали оппозиционные блогеры, и в помине не было, — оставим в покое Фукуяму и обратимся к Кагарлицкому, описывающему протестные выступления в Москве в день вынесения судебного приговора Алексею Навальному, — но и тех 3,5–4 тысяч, что реально собрались в цент-

ре, хватило бы, чтобы наглухо закрыть Тверскую улицу и парализовать движение в центре Москвы. Однако из массы пришедших нашлось от силы человек 300, которые такую попытку предприняли, да и то очень вяло, не получив поддержки от остальных. Кого-то упаковали в автозаки, остальные разошлись по тротуарам. Вот и все. В Западной Европе это даже не считалось бы демонстрацией.

Публика не столько протестовала, сколько любовалась собой, не желая, разумеется, рисковать и не забывая о своих планах на продолжение вечера. <...> После протеста в центре Москвы фейсбук заполнился отчетами, как после вечеринки: “Было здорово”. Постили фотки и восхищались своей смелостью. Ведь не просто так без дела час простояли на углу улицы, а участвовали, да в “несанкционированном митинге”!»

То есть даже если и происходит пробуждение, то пока преимущественно нарциссическое. 📷